

ОТЗЫВ

о диссертации **Ван Тяньцзяо** «*Модели концептуальных метафор в языковом воплощении этических концептов ДОБРО и ЗЛО в русской фразеологии и паремиологии*», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык (Новгород, 2021). 180 с.

Актуальность исследования, как известно, определяется связью с современными научными направлениями. Именно в них получают новое обоснование или развитие те или иные проблемы, содержание которых обусловлено предметом исследования. В этом смысле актуальность исследования Ван Тяньцзяо не вызывает сомнений, поскольку тема неразрывно связана с приоритетными направлениями современной лингвистики – когнитивным, культурологическим и функциональным. Они позволяют более глубоко осмыслить результаты познавательной деятельности человека и те языковые механизмы, которые объясняют антропоцентрическую природу когнитивной деятельности как в процессуальном плане, так и с точки зрения ее результатов, представленных в языке в виде определенных форматов знаний. Наиболее полно и многообразно эти знания формируются и находят отражение в концептах, структура и содержание которых осмысливается в связи с языком, обеспечивающим доступ к их пониманию и восприятию. Поэтому актуальность исследования обуславливается не только «особой научной и культурной значимостью этических концептов «добро» и «зло» в русской языковой картине мира этноса» (что обоснованно отмечает Ван Тяньцзяо (с.5) и что не вызывает сомнений). Ценно и значимо то, что на этом материале можно продемонстрировать *развитие и эффективность методики метафорического осмысления действительности* как одного из основных способов познания мира и его отражения в языке. Это позволяет увидеть в частном описании отдельных концептов *методологическую составляющую* для описания концептов разных типов как таковых, как основополагающих мыслительных

единиц. В данном случае существенным оказывается выявление и описание тех когнитивных моделей, которые связаны с языковыми и культурными компетенциями человека как языковой личности. Это позволяет определять способы и формы вербализации ментальных смыслов, которые отражают важнейшую сторону речемыслительной деятельности, представленную, в частности, в исследовании соискателя фразеологическим и паремиологическим языковым материалом. И тем самым есть основания считать, что актуальность работы Ван Тяньцзяо не только в решении конкретной проблемы, но и в методологическом, теоретическом плане, поскольку позволяет выявлять и описывать *принципы и механизмы речемыслительной деятельности*, связанной с метафорическими стратегиями познания действительности и их отражением в языковой репрезентации.

В связи с этим достаточно четко определена **цель исследования**, которая, естественно, включает описание конкретных концептов, учитывая, что «модели концептуальных метафор для концептов «добро» и «зло» в русских фразеологизмах и поговорках еще не исследовались в отечественных и зарубежных научных работах» (с.8). Однако при этом, что особенно важно, их анализ осуществляется «через призму познания национальной и культурной специфики нравственной составляющей русской языковой картины мира» (с.5). Для достижения этой цели последовательно решаются системные задачи, концептуальный характер которых не вызывает сомнений. Их решение последовательно представлено в структуре исследования, которое включает в себя специальную теоретическую главу и главу непосредственного выявления и описания моделей концептуальных метафор в русской фразеологии и паремиологии.

Оценивая теоретические рассуждения Ван Тяньцзяо, отметим, что они осмыслены соискателем, систематизированы и нашли последовательную реализацию в языковом материале в последующих главах. При этом важно и ценно то, что эти рассуждения не оказались самоцелью в исследовании, а были

по существу сориентированы на анализируемые концепты, которые как бы пропускались через фильтр теоретических положений, принимаемых в диссертации, и тем самым обоснованность их рассмотрения не вызывает сомнений. В этом плане показательным является материал о методах исследования, демонстрирующий правомерность их использования и результативность в отношении концептов ДОБРО и ЗЛО.

В принципе вполне приемлемым оказался и способ подачи теоретического материала. В большей части мы имеем, скорее всего, *описательный, а не объяснительный подход* к изложению теоретических вопросов, который дает возможность принять их изложение как таковых, не вступая (чаще всего) в дискуссии по ним. Это позволяет соискателю предложить то или иное понимание теоретического положения в качестве постулата исследования, чтобы с его учетом оценивать анализируемый материал с позиций непротиворечивости и объяснительной силы. На наш взгляд, учитывая сложность аналитической проработки когнитивного материала не носителем русского языка, мы считаем такой способ подачи теоретических вопросов вполне приемлемым, поскольку для понимания теоретических основ исследования он оказывается достаточным. Поэтому, в целом, можно заключить, что основные теоретические положения осмыслены соискателем как исследовательская система.

Таким образом, в своем единстве *предмет, цель и задачи исследования, а также теоретические рассуждения и положения, выносимые на защиту, соответствуют специальности «русский язык»*. Привлечение сопоставительного материала из китайского языка, думается, не имеет приоритетного характера, а позволяет увидеть специфику концептуализации, представленную концептуальными моделями *именно в русском языке*. Сопоставительный материал оказывается системно востребованным для объяснения национальной специфики выявляемых моделей и тем самым подтверждает связь языков с речемыслительной деятельностью носителей этих

языков. Другими словами, сопоставительный материал в диссертации не является первичным, основным. Он лишь подтверждает эффективность и обоснованность предлагаемого анализа в отношении изучения концептов для других языков. Это дает возможность увидеть перспективность его использования и методологическую значимость.

Не вызывает сомнений и *статус* диссертации Ван Тяньцзяо как *кандидатской диссертации*, о чем свидетельствует *степень ее научной новизны*. С этой точки зрения отметим, что в работе представлены результаты, подтверждающие в той или иной мере положения лингвистических теорий предшественников, и прежде всего теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Кроме того, мы имеем результаты, свидетельствующие о связи с когнитивно ориентированной лингвокультурологической концепцией, разрабатываемой учеными ННГУ им. Н.И.Лобачевского, и прежде всего научным руководителем профессором Т.Б.Радбилем. Однако все же основным в работе Ван Тяньцзяо является *авторское осмысление конкретной научной проблемы*, связанной с реализацией *концептуального анализа* метафорических моделей, представленных в русской фразеологии и паремиологии.

Это позволило соискателю получить результаты, которые определяются понятием *«впервые»*. Несомненно, к числу таких результатов следует отнести, прежде всего, выявление и описание когнитивно-метафорических моделей, связанных с концептуализацией и категоризацией этических сущностей ДОБРО и ЗЛО во фразеологизмах и поговорках как «языковых репрезентантов культурных концептов этноса» (с.150). При этом интересным оказался подход соискателя к языковому материалу. Он проанализировал не только фразеологизмы и поговорки, непосредственно включающие в свой состав лексические компоненты *добро*, *зло* и однокоренные слова, но и не включающие эти слова в свой состав, однако имеющие общее значение, связанное с представлениями о добре или зле. В результате было выявлено

разное количество метафорических моделей, реализованных в них. По-разному представлено количество моделей и с учетом метафоризации и метонимизации.

Кроме того, в исследовательском плане заслуживает внимания и положительной оценки реализация теоретического положения о разграничении фразеологизма и паремической единицы, что позволило соискателю последовательно выявить и описать когнитивно-метафорические модели (с учетом метафорического и метонимического типа) в их составе.

Оценивая теоретическую значимость работы, отметим, что исследование вносит определенный вклад в теорию фразеологической концептологии и языковой репрезентации, позволяя уточнить ряд теоретических положений об особенностях фразеологической и паремиологической репрезентации. Кроме того, позволяет включить в анализ базовых русских культурно значимых концептов ряд принципов, дополняющих методику их изучения и описания и тем самым развивающих основополагающие принципы теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона.

Что же касается *практической значимости*, то она бесспорна и, в принципе, достаточно полно представлена в соответствующей позиции АКД.

При прочтении любой диссертации возникают вопросы и замечания. Это естественно, поскольку отзыв о диссертации относится к аналитическим жанрам, в рамках которых реализуется полемика. Она дает возможность оценить соискателя в качестве участника научной дискуссии. Поэтому предлагаем ряд вопросов, которые не затрагивают концептуальных основ исследования. Однако ответы на них позволяют более или менее однозначно понимать некоторые позиции и рассуждения соискателя.

1. Одной из позиций, рекомендуемых для отражения в кандидатской диссертации, является позиция с формулировкой гипотезы исследования. Данная позиция не представлена в работе Ван Тяньцзяо, что вполне допустимо,

однако не исключает вопроса о том, как бы соискатель сформулировал гипотезу своего исследования, доказанность которой представлено в результатах работы.

2. В теоретическом плане хотелось бы авторского комментария относительно соотношения концептуализации и категоризации как мыслительных процессов, отраженных в языке. Ван Тяньцзяо пишет: «Если концептуализация служит когнитивным инструментом для образования концептов, то категоризация является мыслительной операцией для упорядочения и классификации полученных при концептуализации концептов» (с.16). С этим вполне согласится большинство лингвистов. Однако далее следует следующее высказывание: «Можно сказать, что процесс концептуализации сам по себе уже содержит процесс категоризации» (со ссылкой на китайского исследователя [李福印 2008: 80]). Что имеется в виду?

Означает ли это, процесс категоризации также сам по себе уже содержит процесс концептуализации? Если это так, то не имеем ли мы в этом случае единый концептуально-категориальный процесс? Правда, как тогда соотнести это с тем, что на выходе этого процесса оказываются разными цели и результаты?

3. В диссертации, в связи с выделением языковой репрезентации концептов ДОБРО и ЗЛО в русских фразеологизмах и поговорках, в которых нет соответствующего лексемного выражения, представлена по существу проблема соотношения лексикона как ментальной сущности (см. Е.С.Кубрякова) и его языковой репрезентации. В этом случае именно лексикон является исходной, первичной (в силу своего ментального формирования) формой организации познаваемой действительности, которая получает соответствующую языковую репрезентацию, отраженную, прежде всего, в толковых и синонимических словарях. Поэтому лексикону присуща когнитивная организация, а словарям – языковая организация. Но, имея различную природу, лексикон и словарь, в силу их нетождественности, предполагают взаимодействие между их

единицами. Поэтому семантико-когнитивные основания для определения близости между словами, участвующими в репрезентации концепта, в большей степени присущи не лексикону, а словарю как своду наших знаний о мире. Вот почему лексикографическая репрезентация является одним из основных способов восприятия и осмысления содержания концепта как единицы лексикона.

В связи с этим несколько странным оказалось отсутствие в использованных источниках (см. Библиографический список) синонимических словарей вообще, включая, в частности, «Словарь фразеологических синонимов русского языка» (под ред. В.М.Мокиенко). В них языковая организация синонимических рядов в наибольшей степени отражает семантическую близость слов как языковых репрезентантов концептов плане их взаимосвязи и взаимодействия. Нам представляется, что системная синонимия в большей и значительной степени сориентирована на смысл того или иного концепта, тогда как функциональная (речевая) синонимия в большей степени сориентирована на ассоциативный смысл, на ассоциаты как репрезентанты смысла концепта. В связи с этим, например, «четвертая когнитивная модель представления этического концепта «добро» как конкретного действия «распростертое объятье» (*с распростертыми объятьями*)», которое, по мнению соискателя, «является одним из конкретных кинетических воплощений добра в действительности и тем самым выступает в качестве прототипического образа» (с.13 АКД) для обозначения концепта «добро», может иметь и несколько другое истолкование – в качестве языкового репрезентанта концепта ДРУЖБА. Кроме того, учитывая не прямую соотнесенность с концептом ДОБРО, можно ли рассматривать «распростертые объятья» как его прототипический образ?

4. Думается, и рассуждение Ван Тяньцзяо об уровнях категоризации в связи с концептом ДОБРО требует некоторого пояснения. Согласно мнению соискателя, «понятия «добро» и «зло» рассматриваются как категории базового уровня в нравственно-ценностной шкале. Категории вышестоящего уровня

обладают абстрактностью, всеобщностью, совокупностью и обобщенностью, поэтому все категориальные члены этого уровня не имеют общей целостной формы. Так, например, понятие «этика» как категория вышестоящего уровня включает в себя категории базового уровня «добро» и «зло» (с.17-18).

На наш взгляд, понятие этики в большей степени связано со сферой представления концептов ДОБРО и ЗЛО, а в качестве их представителя на вышестоящем (суперординатном) уровне выступают концепты ХОРОШО и ПЛОХО (ХУДО), что, между прочим, мы и находим у В.И.Даля, который данные концепты представил в «Словаре пословиц и поговорок» в разделе «Хорошо – худо».

5. Связаны ли выявленные метафорические модели с частеречным представлением концептов «добро» и «зло»? Так, например, концепт «добро», помимо субстантивной репрезентации и адъективной, представленной в диссертации, обнаруживают глагольную (*Масло кашу добрит*) и наречную (*При солнышке тепло, а при матери добро; Назло, да наперекор, да людям в укор; Подобру-поздорову. Поминать добром. Сказать со зла*).

6. На наш взгляд, целесообразно было дать комментарий по отношению к статистическим данным о выделении когнитивных метафорических моделей с точки зрения их продуктивности, регулярности и т.д. Например, чем обусловлено, что концепт ДОБРО представлен в русских фразеологизмах 5 метафорическими моделями, а в паремиях – 19?

7. В словарях слово *добро* иногда представлено в значении «плохое, неугодное», противопоставленного значению «хорошее, доброе чувство». Например, *От добрых людей мир погибнет* (см. Большой универсальный словарь под ред Морковкина. М. 2015) или: *Добрыми намерениями дорога в ад устлана*. Как истолковывается метафорическая модель паремии *Добрый вор ничему не дает спуска* (о хитром и умном жулике), которая включает иронию?

8. О содержании и представлении «Библиографического списка». Насколько корректно в научном исследовании помещать в нем научную, учебно-методическую и справочную литературу? В связи с этим тогда не было необходимости в отдельном выделении «Списка использованных фразеологических и паремиологических словарей», учитывая, что ряд таких словарей в количестве 5 мы находим и в «Библиографическом списке».

Завершая отзыв, отметим, что наши рассуждения и вопросы могли явиться следствием неоднозначного понимания соискателем и рецензентом некоторых понятий и положений. Поэтому мы не претендуем на изложение некоторых вопросов анализируемой проблемы в нашем понимании.

Итак, считаю, что диссертация Ван Тяньцзяо «Модели концептуальных метафор в языковом воплощении этических концептов ДОБРО и ЗЛО в русской фразеологии и паремиологии» – это *самостоятельное, целостное и завершённое исследование*, связанное с осмыслением актуальной лингвистической проблемы. Оно решает важную научно-практическую задачу, связанную с метафорическими стратегиями познания действительности и их отражением в языковой репрезентации, представленной русской фразеологией и паремией, и вносит значимый научно-практический вклад в теорию и практику современных концептологических исследований в русистике. Задачи, решаемые в работе, систематизированы и сориентированы на достижение цели, а полученные результаты имеют как теоретическую значимость, так и практическую ценность. Общие выводы в целом закономерны, подтверждены языковым материалом и отражают положения, выносимые на защиту.

Автореферат и отраженные в нем 12 публикаций, среди которых 5 публикаций, входящих состав рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК РФ. Они соответствуют проблематике и отражают различные аспекты исследования. Полученные Ван Тяньцзяо научные результаты соответствуют паспорту заявленной специальности 10.02.01 – русский язык.

Структура и содержание автореферата свидетельствуют о том, что диссертационное исследование «Модели концептуальных метафор в языковом воплощении этических концептов ДОБРО и ЗЛО в русской фразеологии и паремиологии», представленное к защите по специальности 10.02.01 – русский язык на соискание ученой степени кандидата филологических наук, отвечает требованиям пп. 9-14 действующего Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а его автор, Ван Тяньцзяо, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по указанной специальности 10.02.01 – русский язык.

Доктор филологических наук

(специальность 10.02.01 – русский язык),

профессор, профессор кафедры русского языка

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Тамбов, 20 мая 2021 г.

Анатолий Леонидович Шарандин

Против включения персональных данных, заключенных в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшей обработки, не возражаю.

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Адрес: 392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

Тел.: 8 (4752) 72-34-34; e-mail: post@tsutmb.ru; адрес официального сайта: <http://www.tsutmb.ru/>

